

УДК 347.2 (093) (470.22)

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА КАРЕЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ТРАДИЦИЯ, ЗАКОН И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Ю. В. Литвин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье рассматривается имущественное положение карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в. в соответствии с законодательными актами и нормами обычного права. На основе архивных материалов анализируются конкретные жизненные ситуации, характеризующие уровень правовой культуры и правового самосознания крестьянской женщины Олонецкой губернии. Показана готовность и способность сельских женщин отстаивать свои права.

Ключевые слова: история Карелии, обычное право, правовое положение крестьянки, конфликты.

Yu. V. Litvin. PROPERTY RIGHTS OF KARELIAN PEASANT WOMAN IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES: TRADITION AND THE LAW (MATERIALS FROM THE OLONETS PROVINCE)

The paper deals with the property status of the Karelian peasant woman in the second half of the 19th – early 20th century according to the legislation and customary law. Based on archival materials we analyze particular life situations that characterize the level of legal culture and legal consciousness of the peasant women in the Olonets Province. We try to show the willingness and ability of rural women to assert their rights.

Key words: history of Karelia, customary law, legal status of countrywoman, conflicts in village.

Важнейшей ячейкой крестьянского общества являлась семья – социальная и хозяйственная единица, имевшая свои нравственные устои и традиции, строгую иерархическую структуру. Место и роль женщины – жены, матери, дочери – были четко определены. Тем не менее нормативный канон, традици-

онные стереотипы могли нарушаться и корректироваться в зависимости от конкретной ситуации. В данной статье мы обратимся к имущественному положению карельской крестьянки во второй половине XIX – начале XX в., которое регулировалось как законодательством, так и нормами обычного права, а также рассмотрим некоторые конкретные повседневные практики в жизни крестьянских семей, где главными участницами выступали женщины.

* Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

Границы между сферой применения обычного права и «буквы закона» не всегда четко просматриваются. Кроме того, по мере совершенствования официального законодательства сфера его применения постепенно расширялась, сужая границы привычной формы регулирования поведения «традиционного человека». Разделительные линии довольно сложной конфигурации имелись также между правовыми нормами и их применением на практике.

Литература по истории обычного права российской деревни обширна. Среди ведущих исследователей в этой области следует назвать Д. Я. Самоквасова, Н. П. Загоскина, И. Тютрюмова, К. Д. Кавелина, А. Ефименко и П. Ефименко [Безгин, 2004. С. 11–12]. Ряд правоведов и этнографов сосредоточились на изучении «женского» аспекта данной темы [Соколовский, 1867; Савельев, 1878; Харламов, 1880; Ефименко, 1884; Лудмер, 1885 и др.]. Суждения дореволюционных авторов относительно реального имущественного положения русской крестьянки во второй половине XIX в. разнились. С одной стороны, широко распространенным было мнение о «забитости» крестьянки и ее правовой недееспособности. В частности, А. Лудмер, имевший опыт работы мировым судьей, отмечал, что в имущественных спорах женщина совершенно беззащитна, поскольку такого рода дела принадлежали ведению сельских и волостных сходов [Лудмер, 1885. С. 522]. Н. Соколовский связывал сохранение подобного положения вещей с низкой юридической грамотностью женщин: «недостаточность, например, юридического образования женщины заставляет ее играть самую жалкую роль, часто вследствие этого она становится орудием в руках первого негодяя» [Соколовский, 1867. С. 58]. А. П. Щапов, И. Н. Харламов и другие сторонники либерально-народнической теории придерживались иной позиции, согласно которой личные и имущественные права крестьян определялись не половой принадлежностью, а степенью участия в хозяйственной жизни семьи. Община, как им казалось, проводила принцип равноправия во всех сферах жизни по той причине, что женщина была активной участницей трудового процесса [Харламов, 1880. С. 83–84].

В советское время разработкой вопросов, связанных с народными правовыми воззрениями, занимались, главным образом, П. Н. Зырянов и А. А. Александров [Шатковская, 2000. С. 97]. Правовой статус крестьянки рассматривался сквозь призму заданных классиками марксизма положений о принижении и угнетенности женщины. Однако работы Н. А. Ми-

ненко и И. И. Милоголовой показали ее крепкое имущественное положение в семье [Пушкарева, 2007. С. 37–38]. Правовой статус крестьянской женщины продолжает находиться в исследовательском фокусе [Милогорова, 1995; Пушкарева, 2001; Гончаров, 2002; Нижник, 2006], в том числе и на региональном уровне [Фадеева, 2006; Нуждина, 2008; Сушкова, 2010 и др.]. Все авторы подчеркивают высокий имущественный статус крестьянки, возмраставший по мере укрепления позиций малой семьи. Определенное влияние на ситуацию оказывали те представители местной администрации, которые находилась под влиянием либеральных идей [Миронов, 2003. С. 244].

Начало изучения норм обычного права в карельской деревне было положено статьями А. Я. Колясникова и А. Я. Ефименко. Если первый автор изучал правовые обычаи олонекских карелов, то А. Ефименко объектом исследования избрала карелов Архангельской губернии [Колясников, 1877; Ефименко, 1878]. Некоторые сведения по этой теме содержатся также в статьях других авторов [Камкин, 1880; Георгиевский, 1888; Из быта и верований карел..., 1892; Никольский, 1916; Ладвинский (архив РГО) и др.] и в публицистических очерках конца XIX – начала XX в. [Круковский, 1904; Inha, 1911; Оленев, 1917]. Из последних работ, посвященных соотношению традиции и закона в повседневной жизни крестьянства, следует назвать сборник «Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиции и закон в жизни карел» [2005].

Источниковую базу нашего исследования составили, прежде всего, Свод законов Российской империи, нормы обычного права, зафиксированные в дореволюционных статьях и очерках, а также документы, отложившиеся в фондах земских начальников, волостных правлений, земских уездных судов и хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Большая часть использованных в статье материалов была почерпнута из фондов земских начальников Петрозаводского уезда, что объясняется лучшей наполненностью данных фондов. Фонды земских органов Олонецкого и Повенецкого уездов отличаются небольшими объемами и малой информативностью по интересующей нас тематике.

Под имуществом в дореволюционном праве понимались объекты материального мира, которые состояли в гражданском обороте и представляли собой какую-либо ценность [Алексеев, 2007. С. 19]. Российское законодательство устанавливало полную раздельность имущества супругов. Приданое жены и

все имущество, приобретенное ею во время брака путем купли, дарения, наследования, признавалось отдельной ее собственностью [Свод законов, т. X. Ст. 110]. Распоряжаться имуществом жены муж мог не иначе, как «по законной на сие договоренности» [Свод законов, т. X. Ст. 115].

А. Ефименко и А. Колясников рассматривали имущественные отношения в связи с нормами обычного права, господствовавшими в селениях Олонецкой и Архангельской Карелии. Согласно их исследованиям, власть и право распоряжения имуществом после смерти главы рода переходила к старшему его брату. Незамужние дочери получали только приданое. Остальное имущество по смерти родителей переходило к сыновьям [Колясников, 1877. С. 55]. Нередкими были случаи, что дети после смерти отца «разделялись», и мать также принимала участие в разделе: она получала часть движимого имущества (например, корову и некоторые вещи), также две или три меры хлеба [Ефименко, 1878. С. 118].

По «Положению» 19 февраля 1861 г. вопрос о семейных разделах находился в ведении сельского схода. Число семейных разделов, согласно официальной статистике, было невелико. В Кондопожской волости за 10 лет, с 1874 по 1883 г., было совершено всего 76 разделов, т. е. в среднем 7,6 раздела за год, притом что общее число крестьянских семей составляло 840 в 1874 г. и 916 в 1883 г. [НА РК, ф. 151, оп. 1, д. 21/43, л. 3об.–4]. В других волостях ситуация была похожей. Реальное же число семей, решившихся разделить, было гораздо больше, но официальное оформление раздела совершалось редко, иногда спустя значительный промежуток времени после фактического раздела.

По наблюдениям современников, частой причиной раздела в большой семье были ссоры между невесткой и свекровью. А. Ефименко, на основании анализа дел волостных судов, пришла к выводу, что большая часть жалоб, поступавших от женщин из больших семей, были не против мужа, а, главным образом, против свекрови [Ефименко, 1884. С. 110]. В. Гурвич писал, что с появлением в неразделенной семье невестки, которая «почему-то не поладила со свекровью», начинались конфликты и «травля на невестку» [Гурвич, 1903. С. 3]. Ф. Ладвинский, исследовавший быт карелов Паданского уезда, указывал на неоднократные случаи, когда «невестки выходили из повиновения своим свекровьям» [Ладвинский. Л. 20–20об.]. При этом Н. Камкин отмечал, что во взаимоотношениях не-

вестки и свекрови в карельских семьях «гораздо больше простоты и человечности, чем в русских семьях» [Камкин, 1880. С. 665]. Установление причин семейного раздела по архивным документам нередко осложняется расплывчатостью формулировок, например: «теснота в доме и семейный раздор и многочисленность семьи» [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 3/113, л. 3]; «по случаю семейных неприятностей» [НА РК, ф. 151, оп. 1, д. 65/3, л. 40–40об.], «по неполадкам в семействе» [НА РК, ф. 151, оп. 1, д. 25/13, л. 5] и т. д. Отчасти это объясняется традиционным для крестьян стремлением «не выносить сор из избы». В первой половине XIX в. уездный исправник Олонецкого уезда называл семейный быт карелов «благородным», а если случались семейные распри, «то всячески они скрываются от посторонней любознательности» [История Карелии..., 2000. С. 152]. Судя по изученным нами документам, практика разделения больших семей по причине «неуживчивости женщин», безусловно, имела место, однако назвать данное явление повсеместным сложно – в большинстве случаев истцами выступали отец с сыном или братья в связи с женитьбой или смертью одного из членов семьи, а также в связи с нежеланием делить поровну подати при различном трудовом вкладе членов большой семьи.

Ходатайства крестьянок о нарушении их имущественных прав были направлены против родственников мужа, односельчан и должностных лиц. Например, вдова Лукерья Симонова из дер. Суйсарь после смерти мужа с малолетним сыном в течение 15 лет жила «в людях». Когда ребенок подрос, она возвратилась в деревню с целью поднять хозяйство с помощью сына. Но оказалось, что ее землю занял брат покойного супруга – Василий Алексеев Симонов: «Так, например, он на моей земле посадил картофель, а у деверя построен, между тем, дом на новом месте и в план внесен» [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 10/539, л. 1]. После сельского схода 18 мая 1897 г. право владения землей и огородом подтвердил сельский староста, однако Василий Симонов продолжал засеивать землю Лукерьи. Повторный сельский сход вновь признал законное право на владение землей вдовой Симоновой.

В дер. Погостской Сямозерской волости крестьяне Григорий и Иван Чаккиевы «самовольно и самоуправством» завладели землей вдовы Марфы Волковой и ее дочери Марии. В прошении, поданном крестьянской девицей Волковой земскому начальнику, было сказано, что с пахотной земли Чаккиевы ежегодно полу-

чали 3000 снопов ржи и 50 возов сена за лето, не уплачивая подати. Петрозаводское уездное по крестьянским делам присутствие обязало вернуть землю Волковым, однако сельские старосты Бомбин и Малосовкин не исполняли постановление. Вторично обратившись к земскому начальнику, Мария Волкова добилась от Чаккиева согласия на передачу земли в ее с дочерью владение [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 7/307, л. 1].

В большинстве имущественных споров истицами выступали вдовы, как одна из самых слабозащищенных категорий в крестьянском сообществе. При отсутствии сыновей, они часто были вынуждены самостоятельно отстаивать свои интересы. В 1863 г. крестьянская вдова дер. Юккогуба Богоявленской волости Мария Леонтьева подала прошение на имя императора с требованием о взыскании долга 20 руб. серебром с крестьянина Михея Леонтьева. Обращение возымело действие, но поскольку у ответчика оказалась только половина названной суммы, его посадили под арест в повенецкую городскую тюрьму. На предложение станового пристава Марии Леонтьевой принять половину долга, крестьянка ответила отказом, желая получить всю сумму сразу хлебом. При всем этом семья ответчика находилась в бедственном состоянии и, по словам жены Ивана Леонтьева, она «с трудом пропитывает себя и пятерых несовершеннолетних детей» [НА РК, ф. 234, оп. 1, д. 7/54, л. 3–5, 13, 17].

И нормы обычного права, и законодательство признавали приданое неприкосновенным имуществом жены [Ефименко, 1878. С. 109; Свод законов, т. X. Ст. 110, 115, 1150]. Остаться в семье мужа приданое могло только в том случае, если после смерти супруги оставалась дочь; в других случаях имущество возвращалось родителям умершей [Ефименко, 1878. С. 109]. В редких случаях, когда муж был неспособен оплатить долги, он пытался откупиться приданным супруги. Так, крестьянка дер. Часовенской Сямозерской волости Меланья Туппоева опасалась, что за недоимки по уплате податей она может лишиться приданной коровы, «которая не должна бы считаться собственностью мужа» [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 9/454, л. 1]. Крестьянка же дер. Спасская Губа Спасопреображенской волости Дина Ураева действительно лишилась своего приданного самовара, отданного за долги свекра Афанасия Ураева. При составлении ходатайства земскому начальнику, крестьянка подробно описала свои права на приданое имущество и потребовала его возвра-

та. Но, поскольку заявление о том, что самовар – это ее приданое, поступило после составления описи имущества, прошение крестьянки было отклонено [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 26/1206, л. 2–2об.].

Нередко крестьянки жаловались на должностных лиц. Прошения были самые разнообразные – на «неправильные» семейные разделы, на задержку или отказ в выдаче паспорта, на грубость и произвол со стороны должностных лиц [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 5/220, 7/307, 7/358 и др.]. Из дер. Сопохи Спасопреображенской волости в 1894 г. на имя земского начальника поступило заявление крестьянки Лукерьи Митрофановой о «неправильных действиях» волостного старшины Лазарева и сельского старосты Мячкина. По словам заявительницы, они вызвали ее на сход и приказали расписаться в документе, не ознакомив с его содержанием. После просьбы объяснить, в чем суть бумаги, старшина «крикнул при всем сельском сходе, что я не должен читать тебе, сволочи» [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 3/82, л. 2об.]. В 1904 г. в адрес земского начальника поступила жалоба крестьянки дер. Чалкой-сельга Сямозерской волости Лукерьи Михайловны Губей на сельского старосту Бомбина, который, по ее словам, «после схода стал пьянствовать, а 2-го числа апреля... меня затеснил Бомбин отворить подвал угрозой, что „я ломаю дверь“, где у меня находился [Исправлено. В тексте – «где мне находился»] последний кусок хлеба – мешок муки...» [НА РК, ф. 53, оп. 3, д. 23/1069, л. 1–1об.]. Старшину наказали штрафом и обязательством вернуть отобранный мешок муки. Случаи злоупотребления властью со стороны сельских старост и волостных старшин, разумеется, не были исключительно местным явлением. Например, земский начальник Тамбовской губернии А. Новиков отмечал: «старосты вознаграждают себя тем, что при всяком удобном и неудобном случае заставляют себя угощать» [Новиков, 1899. С. 29].

Рассмотренные нами нормы законодательства и обычного права говорят о том, что юридически имущественные интересы крестьянки были защищены и законом, и традицией. Административные и судебные дела, касающиеся имущественных споров, позволяют увидеть, что карельская женщина была готова решительно отстаивать собственные интересы в этой сфере, обращаясь не только к местным властям, но при необходимости и к самому императору. При этом такие «издержки» судебных тяжб, как волокита, грубость должностных лиц и т. п., в полной мере касались истиц. Социальными слоями, наиболее открытыми

для разного рода злоупотреблений, оставались вдовы и солдатки, что, впрочем, было характерно и для российской деревни в целом. Развитие института малой семьи в конце XIX в., рост грамотности и информированности, повышение культурного уровня благодаря школе и развитию женского отходничества – все это повышало правовое самосознание крестьянки, укрепляло ее позиции в деле отстаивания своих интересов и законных прав. Тем не менее при конфликте интересов в решении конкретной проблемы многое зависело от личности женщины, ее смелости, упорства и настойчивости.

Литература и источники

Алексеев А. А. Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Российской империи: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 30 с.

Безгин В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2004. 304 с.

Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиции и закон в жизни карел. Материалы международного семинара историков, посвященного 65-летию ПетрГУ. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. 251 с.

Георгиевский М. Этнографические заметки. Святозеро // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 17. С. 154–157; № 18. С. 163–166.

Гончаров Ю. М. Городская семья второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 384 с.

Гурвич В. Очерки преступности и порочности в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 47. С. 3. URL: <http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=1699&page=3> (дата обращения: 20.02.2010).

Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. 382 с.

Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Зап. Русск. геогр. об-ва по отд. этнографии. Т. VIII. СПб., 1878. С. 1–233.

Из быта и верований карел Олонецкой губернии / П. М. // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 95. С. 972–974; № 96. С. 982–983; № 97. С. 996–998; № 98. С. 1009–1010; № 99. С. 1018–1020; № 100. С. 1030–1032.

История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX в.) / Науч. ред. А. И. Афанасьева; сост.: Т. А. Варухина и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2000. 317 с.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений: В 4-х т. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1897–1900.

Камкин Н. Архангельские карелы (этнографический очерк) // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVI, № 4. С. 651–673.

Колясников А. Я. Народные юридические обычаи у карелов, живущих в Олонецком уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 6. С. 55. URL:

<http://ogv.karelia.ru/magpage.shtml?id=3267&page=5> (дата обращения: 15.12.2009).

Круковский М. А. Олонецкий край: путевые очерки. СПб.: Издание «Петербургского учебного магазина», 1904. 260 с.

Ладвинский Ф. Особенности общественного быта жителей Паданского погоста и о Ребольском приходе, Повенецкий уезд Олонецкой губернии // Архив РГО, фонд Олонецкой губернии. Р. 25, оп. 1, № 5, л. 20–20об. URL: <http://litkarta.karelia.ru> (дата обращения: 26.01.2011).

Лудмер А. Бабы дела на мировом суде // Юридический вестник. 1885. № 11. С. 522–531.

Милоголова И. Н. О праве собственности в пореформенной крестьянской семье. 1861–1900 // Вестник Московского ун-та. Серия 8, История. 1995. № 1. С. 22–31.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1–2.

Национальный архив Республики Карелия (в тексте – НА РК).

Нижник Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб.: изд-во Р. Асланова «Юридический центр прессы», 2006. 272 с.

Никольский В. Обычаи, приметы и причитания карельской свадьбы (из записок и дневников) // Олонецкая неделя. 1916. № 30. С. 9–13.

Новиков А. Записки земского начальника. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 240 с.

Нуждина А. А. Социокультурное развитие российской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 25 с.

Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройками Мурманской железной дороги. Гельсингфорс: Фин. лит. об-во, 1917. 172 с.

Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетея, 2007. 495 с.

Пушкарева Н. Л. Имущественные права женщин в XVIII – начале XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 188–203.

Савельев А. А. Личные и имущественные отношения между супругами // Юридический вестник. 1878. № 12.

Свод законов Российской империи. Т. X. Свод законов гражданских. СПб., 1900; Т. XIV. Устав о паспортах. СПб., 1903.

Соколовский Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа // Женский вестник. 1867. № 9. С. 57–83.

Сушкова Ю. Н. Мордовские обычно-правовые традиции и разрешения семейных споров между мужем и женой // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. Материалы III Междунар. науч. конф. Череповец; М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. С. 205–212.

Фадеева Е. В. Женщина в традиционном обществе и семье коренных народов Нижнего Амура (вторая половина XIX – начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 22 с.

Харламов И. Женщина в русской семье (опыт по обычному праву) // Русское богатство. 1880. Март. С. 59–107.

Шатковская Т. В. Закон и обычай в правовом быту крестьян второй половины XIX в. // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 96–105.

Inha I. K. Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: Kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään. Helsinki: Tietosanakirja OY, 1911. 403 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Литвин Юлия Валерьевна

аспирантка
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: litvinjulia@yandex.ru
тел.: (8142) 781886

Litvin, Yulia

PhD Student
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: litvinjulia@yandex.ru
tel.: (8142) 781886